

**ПОЗНАНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КРИЗИСНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ. РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ В. М. ЗУБОКА
«КОЛЛАПС. ГИБЕЛЬ СОВЕТСКОГО СОЮЗА»
(М. : ИЗД-ВО АСТ : ОГИЗ, 2023. – 658 с.)**

В. С. Рахманин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2024 г.

За последние три десятилетия опубликована в отечественных и зарубежных изданиях масса научных монографий и статей, мемуаров, документов из архивов государственных учреждений и общественных организаций, даже личных о распаде СССР и образовании независимых государств (прежде и более всего России). Казалось бы, выяснено всё, историческая правда найдена и объяснена. Однако споры продолжают не только среди историков, представителей общественных наук, но и в общественном мнении, в массовом сознании. Научное познание причин, факторов, смысла, последствий величайшего взрыва в мировом политическом пространстве в конце XX в. (а его волны перешли в XXI в.) не исчерпано, возникают всё новые вопросы и общественные запросы.

Суждения об истоках и причинах распада СССР группируются вокруг нескольких основных концепций.

1. Доминирующая: неизбежность распада и гибели СССР обусловлена объективными законами истории. Но никто внятно не выявил эти законы.

2. Катастрофа СССР – в несостоятельности социализма как общественно-политической системы, ее инертности к научно-технической революции.

3. Решающим фактором крушения была враждебная деятельность, особенно пропаганда США и западных государств. Эта концепция распространена у нас, особенно среди старших поколений. Вариант этой концепции: СССР проиграл в идеологическом противоборстве США, и это привело его к гибели.

4. Конфликты между Горбачевым и Ельциным разрушили институты государственного обустройства общества и ввели страну в смуту.

5. Партийно-государственная, экономическая и социокультурная элита оказалась недееспособной в поисках новых факторов и методов саморазвития общества и его преобразования; предлагаемые схемы, модели реформ были или неадекватны потребностям выхода из кризиса, или не было достаточно властной и управленческой воли для практической реализации.

6. Гибель СССР как одной из ведущих держав международных отношений, разрушение равновесности в двуцентричном геополитическом поле и растущая потребность в либерализации режима благоприятно сказались на мировом демократическом развитии человечества. Это – главная концепция США и их стратегии дестабилизации и гегемонии в мироустройстве.

В каждой из этих концепций что-то «схватывается» в исторической реальности всеобщего (социетального) кризиса. Но ни одна из них не даст более или менее исчерпывающего ответа. Они дискурсивно односторонни, не столько состояются с целью поиска истины, сколько амбициозно конфликтуют. Та, что обозначена под № 6, вообще фальшива, опровергается реалиями современной эпохи.

Книга Владислава Мартиновича Зубока «Коллапс. Гибель Советского Союза» (М. : Изд-во АСТ : ОГИЗ, 2023. – 658 с.) вносит ценный вклад в историческое познание и понимание обстоятельств, истоков, причин, факторов и акторов процесса крушения СССР. Несколько слов об издании ее, мотивах и намерениях автора. Она была издана в Великобритании в 2021 г., еще до начала военно-силового противоборства России и так называемого коллективного Запада под лидерством США, использующих Украину против России как самодостаточного и влиятельного субъекта современной эпохи и мировой политики. Автор, по его признанию, работал над ней 5 лет. Текст был написан на английском языке для просвещения англоязычного читателя и, по мнению автора, «книга

на русском языке будет воспринята иначе, чем английский оригинал» (с. 7)¹. Подчеркнем, она значима и для просвещения российского читателя. Ее писал русский человек не только по языку, культуре мышления, образования, с российской научной степенью доктора исторических наук, работающий в Лондонской школе экономических и политических наук, читавший лекции в университетах США. Но самое главное – человек, страдающий России, переживающий за распад Советского Союза, отвергающий и ниспровергающий с научных позиций многие мифы, предрассудки и искажения сложного периода времени кризиса и распада СССР, поиска Россией постсоветского государственного обустройства, экономического, социального благополучия и своего места и роли в крутом повороте цивилизации. Во вступлении, озаглавленном символично и выразительно «Головоломка», автор подчеркивает: «Развал СССР не шел по написанному сценарию. Это трагедия человеческих надежд, идей, страхов, страстей и непредвиденных событий» (с. 27).

Размышления, суждения, выводы автора построены и зиждутся на многообразном и выверенном фактическом материале, который он 30 лет искал, собирал, исследовал по различным каналам и источникам, многие из которых неведомы, недоступны нашим исследователям по разным причинам, более всего по патологическим санкциям; В. М. Зубок широко использует архивы Советского Союза, постсоветской России, зарубежные (США, Великобритания), опубликованные мемуары участников, активных деятелей и наблюдателей событий и процессов на рубеже 80–90-х гг., их личные дневники, записные книжки, а также собственные (см.: с. 29–32) разговоры, интервью с видными государственными и общественными деятелями. Его книга свидетельствует о хорошем знании общественного мнения, социального мышления элиты и массовых слоев населения. Вводится в исследовательский оборот и понимание того, что было много нового фактического материала. Вместе с тем автор убежден, что «загадка крушения СССР остается «живой историей», которая продолжает будить страсти и делить общество на непримиримые лагеря» (с. 32).

Научное исследование всегда строится с той или иной мерой осмысленности и практической реализацией методологических парадигм. Вопрос в том, на каких, почему и с какой обоснованностью и результативностью. В познании общественных процессов позитивистское мышление, склонное к описанию достоверно установленных фактов, без чего невозможно познание и понимание, не раскрывает глубинной тайны и исчерпывающего понимания. Всегда

остаются загадки: почему так, а не иначе. А умозрительные построения в объяснении без достаточного и достоверного фактического материала спекулятивны и подменяют знания субъективными мнениями, предвзятостью суждений, домыслами, мифологизируют реальности. Дважды два в общественном развитии не всегда четыре, а, наверное, никогда. Каждое событие многозначно и загадывает несколько альтернатив. Стереотипный и пропагандированный в позднесоветское время тезис «иное не дано», отупляя мышление, уводил его от научной методологии познания в идеологемы. И эти идеологемы сыграли роковую роль в распаде Советского Союза, в становлении России и ее трансформации. Позитивизм держится на хроническом стереотипе мышления «история не знает сослагательного наклонения». Но в трансформациях общественного бытия и его обустройстве, в его природном, естественном бытии всё сослагательно. И эту тайну все более и более открывает современное естествознание и обнаруживает бесконечность ее загадок.

Историческая наука не исследует «как будет». Научный и гражданский долг историка – познать, как на самом деле было, а не впадать в сослагательное наклонение, выискивая альтернативы. Однако следует раскрыть прошлое во всех его противоречиях, многозначности.

В этой связи представляют особый интерес высказанные В. М. Зубоком его методологические установки в ходе долговременного исследования загадки гибели Советского Союза. В истории, утверждает и раскрывает в книге доктор исторических наук В. М. Зубок, «нет сослагательного наклонения, но в ней всегда есть выбор» (с. 25–26). Выбор тот или иной делают люди, и его результаты зависят от их свойств, целей, способов и смысловой направленности надежд, устремлений и действий. Одну из своих установок исследования остро конфликтного и многолового периода истории он формулирует так: «Мне хотелось бы быть интеллектуально честным в отношении предмета исследований» (с. 26). Это важное откровение, которое автор последовательно осуществляет практически в исследовании и презентации результатов читателям. Высказано не только намерение, но и ведущий методологический принцип, гражданская обязанность, долг – быть интеллектуально честным перед предметом исследования. Позволим себе сказать: тут есть над чем задуматься нашим обществоведам: историкам, социологам, политологам, экономистам, в целом – научно-гуманитарной интеллигенции и публицистам.

Суждения и выводы в монографии В. М. Зубока сделаны не только на основе анализа и обобщения свидетельских фактов о действиях людей (личностей, групп, общностей, социальных слоев) в тех или иных

¹ Впредь ссылки на книгу будут даваться в тексте статьи.

обстоятельствах и ситуациях, но и по практической результативности и последствиях осуществленных акций. Характерен и многозначителен в этой связи рассказ автора о побуждении и итоге работы над книгой. Один «замечательный исследователь советского общества и политики (в тексте он назван – В. Р.) еще в 2018 году убеждал меня написать эту книгу, настаивая при этом, что СССР был обречен. Я последовал его совету, но пришел к иному выводу» (с. 14). Итоговый вывод, аргументированно доказанный многомерным фактическим материалом о кризисных событиях, поведении элиты и масс, личностей и последствий их действий, четко сформулирован и высказан: никакой объективной обреченности, неизбежности в гибели Советского Союза не было, он мог существовать и развиваться. Автор не отрицает объективных обстоятельств, как одного из факторов коллапса. Он опровергает мифы и досужие мнения об объективной неотвратимости трагического исхода. Вместе с тем выявляется необходимость реформ государства, социально-экономического уклада и политической системы советского общества, раскрываются причины и факторы предлагаемых моделей и схем реформирования.

Интеллектуальная честность перед предметом исследования – в анализе многомерного фактического материала, в разноголосии его свидетельств императива научного познания. Как избежать субъективизма в собирании и отборе фактов, чтобы избежать односторонности, как конструировать достоверную картину живой исторической или существующей реальности? В книге автор делится своей технологией и следует ей. Он против всякой односторонности в подборе, анализе, в построении научной картины прошлого в его противоречиях, конфликтности, динамике от генезиса до последствий.

Всякое общественно значимое событие, тем более процесс, не только в кризисные времена есть результат взаимосвязи, взаимодействия различных факторов: объективных и субъективных, осознанных материальных и духовных, сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, интегративного и дезинтегративного. Меняются ресурсы, ценностные ориентации и потребности жизнедеятельности. В диалектике необходимости и случайности, возможного и невозможного, причины и следствия нет фатальной обреченности.

Автор книги убежден и доказывает: история всегда предоставляет возможность выбора модели существования и движения, перемен. Ни один из факторов распада СССР сам по себе, взятый вне исторического контекста, не может объяснить происшедшее с исчерпывающей полнотой. По нашему мнению, ее можно и нужно принять как дискурсивную. Автор избегает односторонности и акцентирования какого-

либо отдельного, тем более специально выбранного факта при всей его важности. Ни в какую идеологически групповую избирательность фактов и трактовку автор не впадает, подчеркивая вместе с тем, что идеологический фактор сыграл большую роль в генезисе и углублении кризиса и распада СССР, становления России в постсоветском и мировом геополитическом пространстве.

Монография В. М. Зубока опирается не просто на факторный анализ исторического процесса, а на системный. Системная методология плодотворно осуществляется в исследовании истоков, факторов гибели Советского Союза и в их интерпретации. Он стремится преодолеть разноречивые и претенциозные идеологические толкования, выявить их несостоятельность, опровергает на фактах многие мифы и стереотипы идеологических суждений. Системный метод плодотворно углубляется В. М. Зубоком в понимании сложных исторических исследований. Во многом он близок к историко-цивилизационной теории «исторического вызова и ответа» А. Тойнби, социологической концепции структуризации Э. Гидденса, да и другим социологическим и политическим теориям, слышится эхо диалектико-материалистической теории К. Маркса, но к ее догматизированной доктрине автор относится остро критически.

Отвергая понимание исторической необходимости как фатальной обреченности, безусловной предначертанности исхода, автор книги акцентирует внимание на возможности выбора альтернативных путей, способов преобразований и методов их осуществления во всех описываемых исторических сюжетах. Подчеркнем: не только путей развития, но и ресурсов и способов действий. Результаты, следствия выбора, его смысл зависят от тех, кто выбирает, их способностей, ценностных ориентаций, мотивов, понимания, истолкования сложившихся обстоятельств, их структур, возможностей выбора, отношений с другими акторами, их выбором. В исследовании важна не только обстоятельная фактография объективных и субъективных феноменов в их смысловых интенциях, но и динамика функционального взаимодействия их в социетальной системе – интегрирующая или дезинтегрирующая, стабилизирующая или дестабилизирующая, социоцентрическая или эгогрупповая, осознаваемая или стихийная и т. п. В этой динамике ответы на исторический вызов могут быть и бывают адекватными и неадекватными, позитивными и негативными по отношению к существующим структурам и общностям людей. Любой значимый выбор создает новую объективную реальность, которая генерирует новый исторический вызов. М. С. Горбачев, уезжая на отдых в Форос из одного исторического времени, на вызов которого он не нашел адекватного достаточного ответа, вернулся в другое

историческое время, взаимодействие объективных и субъективных факторов, которые генерировали иную историческую реальность с ее неоднозначностью в геополитическом пространстве.

В общественном мнении да и в научной среде распространено суждение о неспособности советской экономики как причины и фактора объективной обреченности кризиса СССР и исторической несостоятельности его социально-экономического и государственного уклада. В. М. Зубок раскрывает иную картину: «Статус сверхдержавы был результатом системы, которая позволяла феноменальную концентрацию ресурсов в руках государства и в конце концов дала СССР возможность простирать свои военные силы на все континенты» (с. 27). Это подкреплялось влиятельной идеологией, реальными экономическими возможностями, хотя СССР экономически и финансово отставал от США. Добавим: вместе с тем был достигнут военно-политический паритет с США, создан ракетно-ядерный щит, защищающий нас до сих пор; темпы роста экономики были достаточно высокими до второй половины 1970-х гг., уровень и качество жизни улучшались. Во второй половине 1970-х гг. произошел сбой. В экономике и обществе накопились громадные проблемы, а идеология советская выдохлась. «Но даже в 1990-х годах большинство авторитетных наблюдателей и комментаторов не считали, что СССР обречен» (с. 27).

Почему возник и углубился губительный кризис? Экономические и идеологические факторы к 1980-м гг. исчерпали себя, доказательно утверждает автор. Добавим: изменилась и социальная психология разных (не всех) социальных слоев и национально-этнических общностей, в них нарастало недовольство. Не только уровнем материального обеспечения жизнедеятельности, но и социальным качеством жизни, информационной недостаточностью, авторитарностью догматизированных идеологов и расходящихся с реальностями. Накапливался груз нерешенных проблем, нарастающих новых, а также неадекватных ответов на них или безответности.

В своей монографии В. М. Зубок выясняет историю нарастания и углубления расхождений между проблемными вызовами, анализирует и констатирует их дестабилизирующую функцию в экономике, обществе, в деятельности государственных институтов и политических структурах.

Напомним, политические «верхи» того времени были убеждены, что «преимущества социализма» сами собой объективно приведут к коммунизму (на этой идеологии была принята 3-я программа КПСС) и впали в иллюзию «развитого социалистического общества», будучи не в состоянии осознать исторические реалии. Этим грешили и обществоведы (не все); один из них, член-корреспондент (фамилию не

назову), насчитал 13 объективных законов перерастания социализма в коммунизм. Общественные науки впадали в кризис; догматизированная коммунистическая идеология заменила научную методологию.

В книге В. М. Зубока дезавуируется концепция объективных исторических законов гибели СССР, несостоятельности его экономики как мифотворчество. Со ссылками на исследования экономистов делается вывод: «советскую экономику погубили не структурные недостатки, не цены на нефть, не консервативные лоббисты, а реформы Горбачева. Неумышленное разрушение советской экономики и финансов теми, кто ее реформировал, – самое убедительное и, по-видимому (важная оговорка. – В Р.), главная причина распада СССР» (с. 23).

Нельзя сказать, что политические верхи не искали средств и методов социально-плодотворных перемен в экономике. В правительстве и в органах КПСС шли дискуссии, предлагались и отвергались разные меры. В Политбюро ЦК КПСС сталкивались различные мнения и суждения, переплетались с интригами и личностными амбициями и неприязнью². Велась поиски и экономистами, руководителями ведущих промышленных предприятий, финансистами, публицистами. Росло недовольство в широких слоях населения из-за нарастающего дефицита потребительских ценностей. Идеиное брожение нарастало среди интеллигенции, оно нарастало и в КПСС, в ее функциональной элите и в многомиллионной массе членов. Идеологическое единство партии оказалось фикцией, в ней можно было встретить и либералов, и сталинистов. «Но с моей точки зрения, – отмечает автор книги, – не это стало причиной того, что правящая партия вдруг уступила экономические и политические рычаги в 1990–1991 годах. Мое исследование показывает, что это стало результатом решений Горбачева, его беспрецедентного нежелания использовать власть» (с. 23). Автор развертывает этот тезис в последующих главах. Однако в них вскрывается и нечто иное, без чего решение Горбачева не сыграло бы роковой роли. Да и мог ли Горбачев удержать власть и направить смысл деятельности по пути, адекватному историческому вызову? Было много факторов и, говоря социологическим языком, акторов, активизация которых в критической фазе истории (не только СССР, но и в мире) не соответствовала вызову и которые давали неадекватные ответы. Почему?

Пытаясь – и безуспешно – разгадать историческую головоломку, автор книги не ищет виноватых, он раскрывает на убедительном фактическом мате-

² Об этом много публикаций. Наиболее обстоятельная, плотно документированная – монография историка и журналиста Е. Спицына «Политбюро и секретариат ЦК. 1945–1985 годы» [1].

риале, вскрывает социально-историческую несостоятельность ответов, их дестабилизирующую роль. Выясняются трения между правительством СССР (премьеры Н. И. Рыжков и сменивший его в январе 1991 г. В. С. Павлов, он же министр финансов) и М. С. Горбачевым, разногласия среди экономистов по классическому русскому вопросу: «Что делать?». Идея перестройки, провозглашенная М. С. Горбачевым, породила и эйфорию надежд, и недоумения, и споры. Характерно, что первоначально Горбачев не называл перестройку реформой. Центральными понятиями его идеи были ускорение экономики и перестройка управления на основе гласности деятельности управленческих структур. Он считал, что экономика СССР способна на ускорение. Это признает и автор книги, определяющий идею Горбачева как концепцию «демократического социализма». «Идея Горбачева поражала своим размахом: вернуть российский коммунизм на исходную точку его прихода к власти и перенаправить великий эксперимент в демократическое русло» (с. 65). В. М. Зубок признается: «Новость об отстранении Горбачева меня потрясла. В первые минуты я даже подумал, что это недоразумение. С самого начала перестройки я поддерживал его реформы и освобождение научной, культурной и политической жизни в Советском Союзе от партийно-идеологического гнета» (с. 19).

Концепция Горбачевской перестройки и практики, попытки ее реализации оказались неадекватными глубинному и масштабному историческому вызову. В. М. Зубок последовательно анализирует процесс провала перестройки, причины, факторы конфликтности субъектов. Перестройка провалилась не из-за утопичности ее социального замысла. Решимся сказать, в нем ничего исторически предосудительного не было. В книге выявляются на достоверном фактическом материале иные факторы:

1) неразработанность технологии модернизации экономики. Горбачев не владел необходимыми знаниями и конструктивным аналитическим мышлением. Он отмахивался от реальностей нарастающего кризиса и не доверял достоверному анализу знающих экономистов и социологов, конструктивным программам, которые предлагали другие в его окружении и которых он привлек (Рыжков, Явлинского, Петрова и др.);

2) в конфликтных обстоятельствах действовали различные социально-политические силы, склонные не только к позитивной стабилизации, но и подрыву, разрушению его, были заинтересованы в провале перестройки, умело использовали ее пороки и даже благодетеля (гласность, попытки либерализации советского режима) в своих целях;

3) интеллектуальные, психологические и моральные свойства, поведение фигурантов того времени,

доминирующих и лидирующих, их неадекватность вызову времени;

4) перестройка не улучшила уровень и качество жизни широких социальных слоев. Стало хуже. Общество расслаивалось не только стратификационно, но дезинтеграционно и по уровню, качеству материального жизнеобеспечения, и по социальной мобильности. Это генерировало разочарование, раздражение, недовольство основной массы населения Горбачевской перестройкой и недоверие к ее инициатору и последователям.

В. М. Зубок верен своим принципам системного подхода и интеллектуальной честности по отношению к объекту исследования. – Ни один из группированных факторов, взятый сам по себе без связи с другими, как бы он ни был важен, мало что объясняет, ведет к односторонности и даже к искажению исторической реальности и мифологизации. В его книге уделяется большое внимание Западу и, в частности, США в драматических событиях, закончившихся коллапсом Советского Союза. Зафиксированы два изначальных конкурирующих подхода к перестройке, значению ее и возможной роли СССР в будущем: 1) сохранение реформированного федеративного Советского Союза с единым экономическим пространством не будет противоречить интересам американской безопасности; 2) развал советской «империи» надо использовать в интересах США, а программа реформ превратит его в третьесортную державу. После подавления ГКЧП, выясняется в книге, президент Буш (старший) «прямо сказал, что поддержит Горбачева по восстановлению конституционного порядка <...> Буш открыто отвергал притязания Ельцина» (с. 238) Президент Буш и его помощник по национальной безопасности Скроуфорт были озадачены стремительными переменами в Москве после распада Советского Союза. Они не знали, чем обернется ельцинская «демократическая революция» (с. 450). До путча Горбачев обращался к США с просьбой о предоставлении многомиллиардного кредита для реализации перестройки. Буш обещал, хотя и в меньших размерах, но сопротивлялся Минфин, да и многие сотрудники Белого дома. Когда Ельцин пришел к власти, Буш просил его сохранить Горбачева как общественно-политического и государственного деятеля. Ельцин обещал.

В постсоветском общественном мнении распространен стереотип негативных суждений о членах ГКЧП как авантюристах, стремящихся к захвату власти (зачем? она у них была) и установлению диктатуры. В книге на фактах подтверждается активная роль руководства КГБ, но приводятся и иные факты о смысле и организации, о членах ГКЧП. Делается вывод, отвергающий обвинительную мифологию. Никто из участников ГКЧП, особенно Минобороны,

«не сомневался, что экономические реформы в Советском Союзе были необходимы» (с. 221), а принятие Верховным Советом СССР на основе референдума нового договора о Советском Союзе, предлагаемого Горбачевым, будет сорвано: антисоюзный сепаратизм набрал дестабилизирующую силу во всех республиках, особенно в прибалтийских, Украине, Грузии, Молдавии, России. Ельцинское стремление во что бы то ни стало вывести Россию из СССР стимулировало сепаратизм политэлиты во всех республиках.

В этой связи считаю не лишним обратить внимание на один стереотип политического мышления над проблемами истории. Главной причиной распада СССР по этому стереотипу считается, что под Союзный договор 1922 г. в Конституцию была заложена мина – ленинская формула о праве наций на национальное самоопределение вплоть до государственного отделения. Споры в то время были намного сложнее, чем известная полемика против сталинской идеи автономности национально-этнических общностей (крупных) в составе РСФСР. Ленин не был национал-сепаратистским сапером; мину, которая взорвалась через 69 лет, нужно было внести в Конституцию 1922 г. в последующие десятилетия в виде поправки, в частности в 1977 г., о праве выхода в тех административно-территориальных границах, которые были до вхождения в союзное государство. Прибалтийские нации, поляки, финны получили собственную государственность от советской «империи», а не от бывшей российской. Советский Союз взорвался не на ленинской мине. Идея о праве нации на государственное самоопределение была широко распространена в демократическом общественном мнении в первом десятилетии XX в. Она и поныне актуальна. При этом надо учитывать, способна ли отделяющаяся нация на обороноспособность. Минное поле с целевыми зарядами во что бы то ни стало взорвать великую державу (одну из двух) на исходе XX в. ставили решительно два волевых и, надо признать, умелых сапера, остро конкурирующих между собой – президент России Б. Ельцин и президент Украины Л. Кравчук. У них было немало помощников и отечественных, и зарубежных. Действия Кравчука и его национал-популистская база сыграли особую роль в распаде СССР. Дестабилизирующая, разрушительная деятельность этих двух саперов фактически показана и убедительно доказана в монографии В. М. Зубока. Замечены и опасения Б. Ельцина, что действия Кравчука могут привести к войне. Он оказался прав. США и Евросоюз, масштабно и целеустремленно вооружая Украину, готовили ее в своих интересах к войне, создавая для России сугубо тяжелую фазу исторического существования.

В разгар дискуссий о Союзном Договоре и нарастающих дестабилизирующих действий его против-

ников в общественном мнении высказывалось и суждение о необходимости силовых методов их пресечения, подталкивали Горбачева к этому и удивлялись (даже США), почему он их не применяет и уступает нажиму тех, кто стремится вырвать «у него государственную власть из-под ног». В. М. Зубок цитирует высказанную Горбачевым в разговоре с Шахназаровым (его помощник, философ и социолог) свою позицию: «Я ни за что не встану на путь применения силовых методов, к которым многие меня сейчас подталкивают. Это был бы конец всему. К диктатуре, авторитаризму – заключил он, – меня никто не принудит. Я лучше уйду в отставку. Это для меня не просто слова, а твердое убеждение, жизненный принцип» (с. 239. Источник указан в Примечаниях к главе «Левиафан» под № 81. – С. 601). Этому принципу М. С. Горбачев следовал до конца своего президентства не под давлением Б. Ельцина, который в той ситуации вел себя, мало сказать, некорректно.

Автор книги реалистично воссоздал историю распада СССР, его коллапса по авторскому определению, а также драму становления России во взаимосвязи с другими союзными республиками, ставшими молодыми независимыми государствами. Б. Ельцин напрасно надеялся, что под его руководством Россия будет играть роль интегратора в их сотрудничестве. Украина была решительно против, не говоря уже о прибалтийских государствах, выход которых решительно на всех этапах поддерживался США, уведомлявших об этом М. Горбачева и Б. Ельцина. Другие республики разбегались в разные стороны, опасаясь диктата Б. Ельцина с его российским центризмом. Наиболее интересны в этом отношении главы 9–14: «Консенсус», «Заговор», «Хунта», «Развал», «Какофония», «Независимость».

Выясняется роль идеологического фактора в процессе распада СССР. Ее трактовка В. М. Зубоком своеобразна. По его мнению, «общественные движения и идеологические течения не определяются рациональным выбором, а скорее являются продуктом страстей и представлений, почти всегда ложных» (с. 26). Этот исходный тезис (кто бы и как бы его ни воспринимал) он проводит через всю монографию в различных ее сюжетах.

«В 1980-х годах, – констатируется в книге, – стало очевидно, что советская идеология выдохлась... Эксперты на Западе опасались, что у Советского Союза откроется второе дыхание. Этого не произошло» (с. 27). При всех опасениях Запада и в его геополитических интересах. Не оправдались и идеологические заповеди руководства Советского Союза. Декларация их всё более и более расходилась с социально-экономическим, политическим и духовно-культурным состоянием и потребностями общества. Идеологическое единство КПСС оказалось фикцией.

Сталкивались различные течения в оценке состояния общества, его возможностей, перспектив. СССР проиграл идеологическое противоборство с Западом. Кстати, один из ведущих и авторитетных философов и культурологов США С. Хантингтон, отметив неясность будущего либеральной демократии в России (по состоянию ее в конце 1990-х гг.) и традиционализм русского мышления, считал, что «когда русские перестали вести себя как марксисты (это западная идеология по его мнению. – В. Р.) и стали вести себя как русские, разрыв между ними и Западом увеличился... Западный демократ мог вести интеллектуальные споры с советским марксистом. А вот сделать это с русским православным националистом для него будет невозможно [2; 3]. Дело не только в русском православном национальном традиционном самосознании, которое активизировалось. Идеологический проигрыш СССР Западу в период мирного сосуществования двух противоположных систем был обусловлен неадекватным ответом Советского Союза на социально-экономический, политический, идеологический вызов времени и нарастающей агрессивностью США использовать эту неадекватность, разрушить возможность стабилизирующего сотрудничества двух центров в мировом геополитическом пространстве и установить свою гегемонию.

Социальная философия и политэкономическая теория К. Маркса, политическая философия и социологические размышления В. И. Ленина превратились в догматическую доктрину, в пропагандистский и политический ритуал. Доктринерский подход к общественно-историческим реалиям и проблемам вытеснял и подменял научную методологию анализа и конструктивного творческого мышления. Однако и анархический нигилизм в критике советской истории и идеологии не нес в себе потенциал правды и творческого конструктивизма мышления, усугублял кризис.

Догмы доктринерской идеологии действительно выдохлись, это правдиво констатирует В. М. Зубок, именуя их коммунистической идеологией. Вместе с тем он в своем исследовании и публичной презентации его результатов вскрывает и несостоятельность мессианистских амбиций любой идеологии. Ныне обсуждается «новый кризис глобального либерального порядка», упадок могущества США и распространение евроскептицизма. Сегодня уже мало кто сомневается, что эпоха повсеместной веры в несокрушимую либеральную демократию закончилась (с. 573).

Особый интерес представляют характеристики личностей М. Горбачева и Б. Ельцина, а также лиц из их окружения и показ их в действии. Они предстают не некими историческими фигурантами, а как живые люди с их страстями, верой, достоинствами и греха-

ми, ошибками и удачами, мотивами действий и их последствий.

Противоборство М. Горбачева и Б. Ельцина, каждый из которых интеллектуально и морально-психологически не соответствовал масштабности, глубине и сложности вставших перед страной проблем, своими действиями разрывали страну на части, подрывали ее суверенитет, растрачивая ее потенциал, и истощали социальную энергию народа.

М. С. Горбачев характеризуется как претендент на разработку нового политического мышления, концепции «демократического социализма», стремящегося к сохранению реформированного Советского Союза как единого целого, централизованного государства с федеральным устройством. По убеждению В. М. Зубока, он искренне верил в необходимость и спасительный исход концепции перестройки, не замечая ее практической несостоятельности. Будучи нерешительным, понуждаемый к компромиссу, не смог противостоять противникам. Несостоятельность М. Горбачева-реформатора не только в волевой нерешительности, по мнению автора книги, беда его в том, что он следовал Ленину. Позволим себе усомниться в этом. Действительно, М. Горбачев считал себя ленинцем, более того, искренне верил и часто цитировал В. И. Ленина, зная тексты (в отличие от многих). Но он не постиг главного – ленинского мышления и практического умения диалектически анализировать социально-исторические реалии, цепь событий, проблемы, действия, состояние и чаяния различных слоев, устремления политических группировок, социально-психологические возможности и ресурсы тех или иных действий. И на основе вверенного анализа, их осмысления принимать решения с конструктивным потенциалом. Для политика, считал В. И. Ленин, важно понять, что происходит в гуще масс, не строить умозрительных предположений, а делать выводы на основе достоверных фактов. К тому же истина всегда конкретна, а придавать универсальность тому или иному суждению опрощительно.

Вот этими способностями и умениями М. Горбачев не обладал, более того, он уклонялся от анализа социально-экономических реалий и даже отмахивался, когда ему о них говорили. Он до конца верил в свою концепцию перестройки и указывал на ее достижения, сомневаясь в программах реформ, которые ему предлагали знающие экономику и социальные проблемы люди (Рыжков, Явлинский, Петраков, его советник-экономист). В книге запечатлены метания М. Горбачева в поисках ресурсов и программ вывода Советского Союза из всеобъемлющего социально-экономического, политического и идеологического кризиса, испытания давления разных сил и страдания от волевой нерешительности. В критических обсто-

ательствах и переговорах с оппонентами и своими сотрудниками он считал, что действовать надо только в правовом поле, терял рычаги государственной власти. В книге отмечается, что шансы сохранить власть для спасения советской государственности у него были. Но он их упустил (см.: глава 5 «Перепутье», 9 «Консенсус»). Подвела и излишняя доверчивость руководству США.

На большом общеизвестном и впервые введенном фактическом материале вскрываются смысл, мотивы поведения, психологические комплексы Б. Ельцина. Его действия были последовательно целенаправлены на разрушение СССР как централизованного государства и на выход России из него. Он человек сильной воли, авторитарно-властный, способный на решительные действия вплоть до применения военной силы в отличие от М. Горбачева, обладал тактической изворотливостью, многократно «валял ваньку» (с. 508), т. е. блефовал. Заметим, что политологи почему-то не исследуют блеф как метод политики; он отличается от обмана в своих суггестивных структурах и функциях, манипулятивно используя доверчивость партнера, упрощенно говоря, подводит не обман сам по себе, а доверчивость внимающего партнера.

Нарастающее недовольство массовых слоев населения нерешенностью хронических и новых социально-экономических проблем, низкой дееспособностью и ошибками государственного управления, расколами общественного сознания, падением доверия к идеологии КПСС, ее углубляющимся расхождением с жизненной реальностью – всё это Б. Ельцин популистски использовал для манипулирования массовым сознанием и поведением. Популизм Ельцина находил доверчивый отклик. В таком же стиле действовал и лидер Украины Л. Кравчук, конкурирующий с Б. Ельциным.

М. Горбачев, идя на компромисс, часто уступал в переговорах грубому нажиму Б. Ельцина, который в конце концов вырвал у него власть и осуществил свою самодиктатуру. Характерно приведенное в книге мнение Г. Бурбулиса, ближайшего соратника Б. Ельцина и его идейного советника. На чрезвычайной сессии парламента СССР Б. Ельцин «ликующе провозгласил, что должность премьер-министра СССР должна быть российской. Горбачев не возражал». Но заупрямился его грубому заявлению о немедленной передаче ведущих отраслей общесоюзной экономики под контроль Российской Федерации. Внезапно «для разрядки» Ельцин обратился к депутатам: «Разрешите подписать Указ о приостановлении деятельности Российской компартии» и подсунул листок бумаги Горбачеву. Тот был потрясен. Но всё же поставил подпись. Бурбулис потом вспоминал: «Сцена жестокая, злонамеренная, безнравственная. Ельцинская

хищническая личность такая, вся в этой начинке волкодава...». Бурбулис тем не менее считал поведение Ельцина оправданным (с. 420–421).

Автор книги также констатирует, что пророчество выдающегося русского философа и социолога А. Зиновьева, которого считали диссидентом, выслушав в Париже Б. Ельцина, определив его как популиста и демагога: он «уничтожит СССР, а Запад будет ему аплодировать», – оправдалось (с. 152).

Феномен Б. Ельцина – в генезисе кризиса СССР, неадекватности деятельности партийно-государственной элиты, нарастающем недовольстве различных социальных слоев (от рабочих и колхозного крестьянства до инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции). «Мало кто понимал, что новая стратегия Б. Ельцина не реформирует, а разрушает Советский Союз» (с. 151). Вместе с тем в книге отмечается: «Ельцин является продуктом ошибок и гордыни М. Горбачева» (с. 170). По мнению В. М. Зубока, он тяготел к «русскому консервативному национализму, этого опасалась и элита других республик, но поездка в Соединенные Штаты сделала его горячим поклонником американского экономического либерализма».

Элита общества не смогла примирить М. Горбачева и Б. Ельцина в их противоборстве и найти оздоравливающий общество спланируемый консенсус. «Конец Советского Союза – драма исторического масштаба, поставившая много вопросов», – делается вывод в книге на основе обстоятельного научного исследования и просветительского замысла (с. 573). Исследование В. М. Зубока, его констатации и разъяснения направлены против искажения истории и недомыслия, идеологизированного толкования. Она (книга) для просвещения общественного мнения и массового сознания, повышения интеллектуальной культуры понимания исторических событий и процессов во всей их противоречивости. Она мотивирует и стимулирует углублять исторические процессы современной эпохи, философское осмысление для обоснования адекватно плодотворных ответов крутому повороту цивилизации. Историю Советского Союза и современность России невозможно понять вне того, что происходит в мире в целом, в мировом геополитическом и географическом пространстве. Россия восстанавливает и борется за свою деятельную суверенность в нем, свою и всеобщую безопасность. Распад СССР вопреки мифам западных стран не стал благодатным фактором всеобщей безопасности и устойчивого мирового развития – ни для мира в целом, ни для тех стран, которые содействовали этому и творили мифы. Их стратегия дестабилизации толкает к предельной опасности. Россия становится одним из ведущих лидеров стабилизационной стратегии. Она не раз это делала в прошлом, которое,

говоря словами автора книги, надо исследовать по методологической и этической установке интеллектуальной честности перед объектом исследования и помочь новым поколениям понять ее опыт во всей его многомерности и адекватно отвечать на вызов истории.

*Воронежский государственный университет
Рахманин В. С., доктор философских наук, профессор
E-mail: rakhmanin57@mail.ru*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Спицын Е.* Политбюро и секретариат ЦК. 1945–1985 годы / Е. Спицын. – М. : Концептуал, 2022.
2. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2013.
3. *Андреев А. П.* Русская традиция / А. П. Андреев, А. И. Селиванов. – М. : Алгоритм, 2004.

*Voronezh State University
Rakhmanin V. S., Doctor of Philosophical Sciences,
Professor
E-mail: rakhmanin57@mail.ru*